

Сидорчук Илья Викторович

ТЕХНОКРАТИЧЕСКАЯ УТОПИЯ И БУКОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: БОЛЬШЕВИКИ, ТЕХНИКА И ОБЩЕСТВО 1920-Х ГГ.

В статье в рамках концепции социотехнического воображаемого анализируется отношение большевистской власти к технике и ее пропаганде. Перечислены основные причины важности развития науки и техники для лидеров страны в 1920-х гг., показаны главные особенности ее представления населению, а также причины, препятствовавшие принятию технократических идеалов обществом. Автор приходит к выводу, что одной из ключевых причин неуспеха реализации смелых технических проектов, инициированных властью, являлось культурное сопротивление части общества, вызванное технической отсталостью и неграмотностью.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/8/51.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 8(82) С. 179-183. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

TRUTH. LINGUISTIC ASPECT OF THE PROBLEM

Sivertsev Evgenii Yur'evich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Saint Petersburg University
Emden1914@mail.ru

When making utterances, which ascribe truthfulness to a certain statement (e.g. "The statement 'Man is an upright creature' is true"), we tend to focus on the adjective "true", while treating the verb "to be" as mere auxiliary and interpreting it as no more than a link. Such interpretation results in ignoring the fact that truth as realization gets complemented by truth as existence. This lack of differentiation leads to serious problems in the theory of cognition.

Key words and phrases: truth; verification; criterion of truth; realization; existence.

УДК 94(47+57)«1920/1930»

Исторические науки и археология

В статье в рамках концепции социотехнического воображаемого анализируется отношение большевистской власти к технике и ее пропаганде. Перечислены основные причины важности развития науки и техники для лидеров страны в 1920-х гг., показаны главные особенности ее представления населению, а также причины, препятствовавшие принятию технократических идеалов обществом. Автор приходит к выводу, что одной из ключевых причин неуспеха реализации смелых технических проектов, инициированных властью, являлось культурное сопротивление части общества, вызванное технической отсталостью и неграмотностью.

Ключевые слова и фразы: социотехническое воображаемое; технократическая утопия; пропаганда техники; исследования науки и технологий.

Сидорчук Илья Викторович, к.и.н., доцент

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
chubber@yandex.ru

**ТЕХНОКРАТИЧЕСКАЯ УТОПИЯ И БУКОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ:
БОЛЬШЕВИКИ, ТЕХНИКА И ОБЩЕСТВО 1920-Х ГГ.**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-03-00799.

Большевистская революция стала началом реализации прежде невиданных по масштабам и смелости проектов не только в области социально-экономической и политической, но и культурной реальности, важной частью которой является техника. Для нового руководства страны развитие науки и техники являлось важной частью конструируемой им утопии, в связи с чем пристальное внимание уделялось формированию того, что Шэйла Ясановф обозначила как «социотехническое воображаемое» – коллективно разделяемые представления о формах социальной жизни и социального порядка, отраженные в конструкции и исполнении национально специфичных научных и технологических проектов [21, p. 120]. Идея важности развития науки и техники была заложена уже создателем марксистской теории. К. Маркс был сторонником технологической утопии, связывал ее успехи с успехами революции. Он полагал, что наука и демократия являются руками, которые позволят перейти из царства необходимости в царство свободы. Прогресс науки и техники, по К. Марксу, способствовал делегитимации власти царей и Христианской церкви, и задача пролетариата заключается в том, чтобы увеличить сумму производительных сил [20, p. 148-149].

Взгляд на технику как на необходимое условие построения социализма и коммунизма в Германии полностью принимался большевиками для его построения в России. После 1917 г. в России именно власть, последовательно реализуя идеи своих немецких учителей, являлась главным инициатором ее развития, направляя свои усилия на индустриализацию, экономическое и научное развитие, технический прогресс. Исследователи подчеркивают наличие некоего «культы машин», популярность тейлоризма и фордизма среди большевистских лидеров, стремление уподобить жизнь строителей коммунизма работе хорошо отлаженной машины [23, p. 145-149]. Инженерия нового мира подразумевала создание подлинной наукократической утопии. И с той же верой, какая существовала в отношении мировой революции, новая власть принялась реализовывать ее на практике, полагая технический прогресс высшей формой цивилизации [22, p. 19]. Можно выделить несколько причин подобного отношения к технике.

Развитие техники, согласно марксизму, представлялось необходимым условием освобождения эксплуатируемых капиталом рабочих. Власть устами своего лидера В. И. Ленина декларировала: «Все, что завоевала человеческая наука, человеческая техника, все усовершенствования, все знания специалистов, – все должно пойти на службу объединенному рабочему» [Цит. по: 1, с. 20]. В буржуазных обществах техника

приводит к росту социального неравенства, поэтому только в условиях социализма она встает на службу народу, а не элите. В. И. Ленин полагал, что только при социализме создаются максимально благоприятные условия для научно-технического прогресса: «Все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средство насилия, в средство эксплуатации» [Цит. по: Там же, с. 24].

Строительство социализма и коммунизма, создание «нового» человека невозможно без развитой техники. Социализм, по словам В. И. Ленина, не может существовать без «техники, построенной по последнему слову новейшей науки...» [Цит. по: Там же, с. 65]. Именно техника была призвана стать одним из наиболее действенных средств борьбы за новую культуру, особенно в деревне, незнакомой с ней. Л. Д. Троцкий, один из наиболее активных поборников технического развития, утверждал, что «трактор – не только технический, но и культурный буксир» [Цит. по: 22, р. 45]. Отсталость провинции, трудность трансфера новой идеологии в деревню объяснялась дисбалансом технологического развития промышленно развитого города и деревни: «Везде, где десятки верст проселка – вернее: десятки верст бездорожья – отделяют деревню от железных дорог, т.е. от материальной связи с культурой, с капитализмом, с крупной промышленностью, с большим городом. Разве не преобладает везде в этих местах тоже патриархальщина, обломовщина, полудикость?» [8, с. 314-315].

Техника представлялась способом борьбы с одним из вредных и опасных для власти пережитков прошлого – религией. С. М. Киров в своем докладе на торжественном заседании VIII губернского съезда ленинградских металлистов 19 апреля 1926 г. заявлял: «...нам надо будет отучить мужика молиться Николаю чудотворцу и пахать сохой времен святого Владимира. Нам надо сделать так, чтобы он действительно, не на словах, а на деле, приобщился к электрификации и прочим таким вещам, которые пока еще фигурируют у нас везде только в виде диковинок, а нам надо их действительно внедрить в наше сельское хозяйство самым органическим способом. <...> Нельзя дать мужику трактор и прочие усовершенствованные орудия производства, если он все еще на Николая чудотворца надеется гораздо больше, чем, скажем, на бензиновый двигатель» [4, с. 239].

Развитие техники было жизненно необходимым в условиях внешнеполитической изоляции и опасности интервенции (дополнительно подогреваемой созданием пропагандой образа «невидимой угрозы» и неотвратимо приближающейся войны) [11]. Первая мировая война показала, что без развитой промышленности Советскую Россию в случае конфликта с наиболее развитыми странами ждет участь России императорской. Только с мощной техникой страна сможет защитить себя от внешней агрессии и экспортировать революцию в другие страны. Выступая на IV Чрезвычайном Всероссийском Съезде Советов вскоре после заключения Брест-Литовского мира, В. И. Ленин, в частности, заявил: «Народ гнать против регулярной армии с высшей техникой – это преступно, и этому учили социалисты. Ведь, война многому научила, не только тому, что люди страдали, но и тому, что берет верх тот, у кого величайшие и лучшие машины; этому научила война, и прекрасно, что научила. Учиться надо потому, что без машины, без дисциплины жить в современном обществе нельзя, – или надо преодолеть высшую технику, или быть раздавленным» [15, с. 53]. При этом если в начале 1918 г. речь шла о защите Советской России как оплота будущей мировой революции, вот-вот должной разгореться в Европе, то в конце 1920-х гг. слова «техника решает все» И. В. Сталина звучали применительно к необходимости защиты социализма в отдельно взятой стране.

Утопическая цель устройства мировой революции требовала решить, казалось бы, менее масштабную, но отнюдь не менее сложную задачу – внедрение передовой техники в жизнь крестьянства, наиболее отсталой и консервативной части общества. Власть полагала, что, поняв очевидные преимущества интеграции техники в жизнь, оно станет ее поддерживать: «Если бы мы смогли дать деревне сто тысяч тракторов, то средний крестьянин сказал бы: я за коммунию, т.е. за коммунизм...» [Цит. по: 12, с. 15]. В условиях преобразования аграрной страны в индустриальную власть стремилась распространить современные промышленные технологии как можно быстрее. Это позволило бы превратить крестьян в сознательных граждан, предоставляя им все необходимое для жизни и тем самым обеспечивая их лояльность [22, р. 20]. По мнению Л. Троцкого, лишь когда советская власть даст мужику электричество, тот полюбит социализм: «С того момента как крестьянин увидит у себя в деревне мастерские, кузницы, которые приводятся в движение электрическим током, как дети его в школах будут обучаться при электрической лампе, он будет завоеван для социалистического хозяйства; но не ранее» [17, с. 237].

Проекты технологического развития зачастую были чрезвычайно смелы, что не смущало лидеров и идеологов страны. Техника не рассматривалась отдельно от социально-политического развития, и утопия политическая (отмена денег, частной собственности и пр.) логично дополнялась технической. Нельзя не вспомнить, что прозвища «кремлевский мечтатель» В. И. Ленин удостоился от Г. Уэллса именно в связи с техническим проектом – «утопии электрификации»: «Можно ли представить себе более дерзновенный проект в этой огромной равнинной, покрытой лесами стране, населенной неграмотными крестьянами, лишенной источников водной энергии, не имеющей технически грамотных людей, в которой почти угасла торговля и промышленность?» [18, с. 104-105].

По воспоминаниям Г. М. Кржижановского (в начале 1920-х председатель Государственной комиссии по электрификации России), В. И. Ленин был очень падок на смелые научные проекты. Этим могли пользоваться разные «прохвосты». В частности, одному технику выделили значительную сумму на реализацию проекта использования икс-лучей в качестве мощного смертоносного оружия [5, с. 6-7]. В 1921 г. В. И. Ленин предложил организовать крупных ученых и инженеров для создания проекта электрической железнодорожной магистрали Лондон – Париж – Берлин – Варшава – Москва – Пекин [12, с. 16]. Любовь к ярким

научным и техническим идеям была характерна и для других партийных лидеров. Л. Б. Красин и А. А. Богданов занимались изучением переливания крови с целью изучения перспектив вечной жизни [10, с. 259-263]. Последний создал новую науку, тектологию, согласно которой в будущем обществе наука, идеология и производство станут единым целым. В своих романах-утопиях «Красная звезда» и «Инженер Мэнни» он дал описание идеального технократического строя будущего. Л. Д. Троцкий много внимания уделял авиации, утверждая, что она «является тактическим авангардом, если хотите, воздушной кавалерией человеческой культуры» [Цит. по: 2, с. 71]. Вопросами планирования науки и техники и ее пропаганды активно занимался Н. И. Бухарин.

В этих условиях значительное внимание уделялось популяризации и пропаганде науки и техники. Несмотря на тоталитарный характер, большевистская власть учитывала необходимость определенной степени общественного согласия, понимала важность принятия массами новой национальной технологической политики. В письме Г. М. Кржижановскому в 1920 г. Ленин писал о необходимости «увлечь ясной и яркой (вполне научной в основе) перспективой: за работу – де, и в 10-20 лет мы Россию всю, и промышленную и земледельческую, сделаем электрической» [Цит. по: 12, с. 8]. XII Съезд партии (апрель 1923 г.) определил, что обучение технике должно быть для новых поколений не просто вопросом специализации, но и делом революционного долга [Там же, с. 10]. Силы и энтузиазм, которые раньше расходовались на борьбу с врагами, в период мирного строительства должны тратиться на овладение наукой и техникой.

В 1920-х гг. Россия оставалась отсталой аграрной страной, и культурный уровень значительной части населения был чрезвычайно низок. Проблема проникновения технических новинок в жизнь заключалась не только в неспособности широких масс принять те или иные проекты, а в том, что все успехи пропаганды техники нивелировались ее отсутствием непосредственно у населения. Подобно смелой архитектуре периода, в силу недостатка финансирования или технической сложности проектов оставшейся «бумажной», технические новинки для жителя русской деревни, где зачастую даже не слышали о железных дорогах и понятия не имели, что такое электрическая лампочка, были чем-то абсолютно чуждым и ненужным. Этот провал между высокими идеями и унылой безысходностью реальности прекрасно описан И. Эренбургом в романе «Рвач» (1924): «Сколько высокого и завлекательного таили эти сгоревшие проекты! Жизнь, нарисованная в них, обладала притягательностью возвращенного рая. “Дворцы труда” и “дворцы искусства” высились чуть ли не в каждом квартале, причем названные, очевидно, в честь детских сказочных воспоминаний “дворцами”, они оправдывали свое название. Сколько непонятных чертежей, сколько десятизначных цифр, сколько садов на крышах и электрических вентиляторов! Это все предназначалось для какой-нибудь Демиевки, где нет не только дворцов, но и порядочного дома с водопроводом и канализацией, где взор прохожего обнаруживает, вместо проектированных цветников, мальчугана, остановившегося в подозрительной позе у забора, под саκραментальной всероссийской мольбой: “Останавливаца воспрещаица”» [19, с. 325].

Принятие технических новинок далеко не всегда происходит безболезненно, на что обращают внимание современные специалисты в области социальной истории техники [9]. Аналогичной была ситуация и в условиях Советской России. Для значительной части крестьянства 1920-х гг., как и в дореволюционный период, было типично «...по привычке во всем необычном подозревать сверхъестественное, и по простодушной вере, что во всем, не поддающемся нашему разумению, несомненно, должно быть участие и работа таинственных сил» [7, с. 174]. Показательно, что одной из причин, по которым Л. Троцкий выступал за активное знакомство населения с самолетами, была борьба с мистическим страхом перед новой техникой: «Для того чтобы неприятельская авиация не оказалась в момент столкновения окруженной ореолом мистической силы, то есть не могла сеять панику, нужно в мирное время сблизить армию, во всей ее толще, с авиацией. <...> Нельзя позволять врагу умножать и без того грозную силу авиации на коэффициент мистического ужаса» [Цит. по: 2, с. 76].

Непосредственное знакомство с техникой позволяло достаточно быстро добиться лояльности населения, однако охватить всю глубину было просто невозможно. В условиях технической неграмотности и дефицита информации реакция на истории о самолетах могла быть такой же, как в рассказе М. Зоценко «Агитатор» (1923), в котором деревенские узнают о технической новинке от своего земляка, сторожа авиационной школы:

«– Разные бывают случаи... А то раз у нас корова под пропеллер сунулась. Раз-раз, чик-чик – и на кусочки. Где роги, а где вообще брюхо – разобрать невозможно... Собаки тоже, бывает, попадают.

– И лошади? – спросили мужики. – Неужто и лошади, родимый, попадают?

– И лошади, – сказал Косоносов. – Очень просто.

– Ишь черти, вред им в ухо, – сказал кто-то. – До чего додумались! Лошадей крошить...» [3, с. 35-37].

Курьезные, хотя и достаточно драматические случаи были и в реальной жизни. Наряду с электрификацией власть активно проводила радиофикацию, видя в ней важное средство организации пропаганды среди неграмотного населения страны. Местные энтузиасты не раз вызвали гнев населения по простой причине использования церковей как самых высоких зданий в деревнях для установки антенн. Например, в 1927 г. в Северодвинской губ. в районе Нижне-Устюгского сельсовета верующие намеревались убить работника избычитальни за то, что тот один конец антенны прикрепил к колокольне [16, с. 76]. В Саранском округе в с. Сабаетово установка антенны производилась на крыше церкви, да еще и во время богослужения. В результате «возбуждение верующих на этой почве было настолько сильно, что лица, устанавливающие антенну, а также работники по хлебозаготовкам, пытавшиеся уговорить толпу, вынуждены были бежать из села, опасаясь самосуда» [14, с. 820]¹. Член Президиума Общества друзей радио, Н. Ф. Преображенский, при описании своей

¹ Примечательно, что в отчете подчеркивается вина самих установщиков, которые не провели никакой подготовительной работы среди населения.

поездки по деревням Московской, Тульской и Рязанской губерний указывал, что там, где заканчиваются московские пригороды и дачные останки, начинается «глушь». На вопрос о том, как крестьяне относятся к радио, один из них ответил: «Да что, товарищ, говорить, деревня у нас темная. Не то что радио слушать не хотят, а ты спроси у них: кто из них фотографию свою снимал... И то ответят, что никаких делов с антихристовым делом не будут иметь» [13, с. 18].

Иногда обращению к технике мешала сама же власть, создавая условия, при которых это могло быть опасно. Так, румынский писатель П. Истрати во время своего путешествия в Россию в 1928 г. был возмущен историей одного крестьянина. После знакомства с обучающими брошюрами о научном ведении хозяйства, распространявшимися самой же властью, тот стал использовать советы на практике. Как следствие – повышение уровня жизни. В результате, чтобы избежать участи кулака, ему за одну ночь пришлось выкорчевать весь свой виноградник [6, с. 116].

Таким образом, идеи технического прогресса в условиях необразованности населения и непоследовательной политики власти зачастую мешали распространению даже таких, казалось бы, привлекательных новинок, как авиация или радио. Для советских лидеров вопрос развития техники был важен не только как составляющая культурного развития населения, но и как средство пропаганды политической идеологии, возможность добиваться лояльности со стороны населения. Именно от власти исходили революционные идеи, она была автором и инициатором смелых технических проектов, но на практике в условиях технической отсталости и неграмотности населения они оказались трудноосуществимыми. Технологическая утопия в реальной жизни могла превращаться в антиутопию. Это показало необходимость проведения комплексной программы по пропаганде научно-технических знаний, что впоследствии стало важной частью советской культурной революции.

Список источников

1. Волчек Е. З. В. И. Ленин о роли науки и техники в коммунистическом строительстве. Минск: Беларусь, 1983. 142 с.
2. Гороховская Е. А., Желтова Е. Л. Советская авиационная агиткампания 20-х гг.: идеология, политика и массовое сознание // Вопросы истории естествознания и техники. 1995. № 3. С. 63-78.
3. Зоценко М. А. Агитатор // Зоценко М. А. Рассказы. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. С. 34-37.
4. Киров С. М. Мы вышли на широкую дорогу социалистического строительства // Киров С. М. Избранные статьи и речи. Л.: ОГИС, Государственное издательство политической литературы, 1939. С. 234-248.
5. Кржижановский Г. Ленин и техника. М.: Работник просвещения, 1925. 27 с.
6. Легенькова Е. А. Путешествие в Россию 1928 г. глазами Элены Самюэль-Казандзакис: в защиту Панаита Истрати // Новейшая история России. 2015. № 3. С. 110-120.
7. Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила / Этногр. бюро кн. В. Н. Тенишева. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903. 526 с.
8. Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин о технике: сб. материалов / сост. В. Ф. Асмус. М. – Л.: Гос. техн.-теорет. изд-во, 1934. 635 с.
9. Никифорова Н. В. Превращение электричества из диковинки в новинку. Подходы к изучению культурной истории электрификации // Общество. Среда. Развитие. 2016. № 4. С. 48-55.
10. О'Коннор Т. Э. Инженер революции: Л. Б. Красин и большевики. 1870-1926 / пер. с англ. А. В. Чудинова, Е. В. Полевщицовой, Я. Я. Юрцабы. М.: Наука, 1993. 270 с.
11. Офицерова Н. В. Промышленное сообщество и «военная тревога» 1927 года // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2015. Вып. 4 (232). С. 56-63.
12. Педосов А. Д. В. И. Ленин о техническом прогрессе. М., 1957. 24 с.
13. Преображенский Н. Радиосвязь в глуши // Радио всем. 1925. № 2. С. 18-19.
14. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939: документы и материалы: в 4-х т. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2. 1923-1929 / под ред. А. Береловича, В. Данилова. 1168 с.
15. Стенографический отчет 4-го Чрезвычайного Съезда Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. М.: Государственное изд-во, 1920. 160 с.
16. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939: документы и материалы: в 5-ти т. М.: РОССПЭН, 1999. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. 880 с.
17. Троцкий Л. VIII Съезд Советов о задачах хозяйственного строительства (речь на общем собрании членов РКП(б) Замоскворецкого района 4 января 1921 г.) // Троцкий Л. Сочинения: в 21-м т. М. – Л.: Государственное издательство, 1927. Т. XV. С. 232-250.
18. Уэллс Г. Россия во мгле / пер. В. Хинкиса // Уэллс Г. Россия во мгле: сборник. М.: Прогресс, 1970. С. 15-118.
19. Эренбург И. Г. Рвач // Эренбург И. Г. Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников. Романы. Рассказы. М.: Эксмо, 2008. С. 265-582.
20. Hughes J. Citizen Cyborg: Why Democratic Societies Must Respond to the Redesigned Human of the Future. N. Y.: Westview Press, 2004. 294 p.
21. Jasanoff Sh., Kim S.-H. Containing the Atom: Sociotechnical Imaginaries and Nuclear Power in the United States and South Korea // Minerva. 2009. № 47 (2). P. 119-146.
22. Josephson P. R. Would Trotsky Wear a Bluetooth? Technological Utopianism under Socialism, 1917-1989. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2010. 342 p.
23. Stites R. Revolutionary Dreams. Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. N. Y.: Oxford University Press, 1989. 308 p.

TECHNOCRATIC UTOPIA AND BUCOLIC REALITY: THE BOLSHEVIKS, TECHNOLOGY AND SOCIETY OF THE 1920S

Sidorchuk Il'ya Viktorovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
chubber@yandex.ru

In the article within the framework of the conception of socio-technical imaginary, attitude of Bolshevik authorities to technology and its propaganda is analyzed. The main reasons for importance of development of science and technology for the country's leaders in the 1920s are listed, the basic peculiarities of its representation to the population as well as causes that prevented acceptance of technocratic ideals by the society are shown. The author comes to the conclusion that one of the main reasons for failure to realize bold technical projects initiated by the authorities was cultural resistance of a part of the society caused by technical backwardness and illiteracy.

Key words and phrases: socio-technical imaginary; technocratic utopia; propaganda of technology; research of science and technologies.

УДК 1:(123.1)

Философские науки

В данной статье анализируется понятие смерти с точки зрения признания ее фактичностью, конституирующей себя как ответственность. Особое внимание автор уделяет философии экзистенциализма, с помощью которой погружается в рассмотрение вопроса с новых позиций, подчеркивая специфические смысловые векторы в системе «конечность – ответственность за свой “проект”». Смерть в данном случае признается автором как событие, возбуждающее ответственность, уход от рассмотрения которого приводит к «лжи» человеческого существования.

Ключевые слова и фразы: конечность; смерть и свобода; ответственность; бытие; экзистенциализм.

Силенин Иван Александрович

Курский государственный университет
serazazell@gmail.com

СМЕРТЬ КАК ВЫСШИЙ УРОВЕНЬ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМЕ

Человеческое существование уникально; конституируясь в собственной трагичности – в экзистенциальной философской мысли, данный феномен получил распространение как парадокс бытия человека. Человеческое начало лежит за пределами познаваемой реальности, человек есть «синтез душевного и телесного» [7, с. 28]. «Синтез» – следовательно, он есть существо незавершенное, продолжающее свое становление вплоть до прихода смерти.

Проблема смертности в качестве смыслообразующего конструкта личности впервые была сформулирована в рамках теологической концепции Серена Кьеркегора: согласно последней, смерть, являясь источником жизненно важного выбора, порождает ответственность наивысшего уровня, реализуемую в процессе формирования человеческой индивидуальности [6, с. 128].

Однако сама по себе конечность экзистенции является лишь направляющим вектором, но не определяет суть существования: смерть вынуждает человека к выбору, ответственность за который лежит на нем самом. Мы сами вправе выбирать между гибелью в своей греховности и спасением, даруемым в признании Христа как своего личного Спасителя.

Вместе с Кьеркегором в философию пришла необходимость осмысления ответственности как производного смерти в качестве исключительного свойства человеческого бытия. Трансформируясь и видоизменяясь в исторической протяженности, концепт данного феномена закрепляется в качестве фундаментального в экзистенциализме, раскрываясь в трудах Мартина Хайдеггера, Жан-Поля Сартра, Карла Ясперса и других выдающихся философов XX в.

Смерть, предполагая высший уровень ответственности, вместе с тем наделяет смыслом жизнь человека. Лишение человека смерти устраняет эту ответственность, но приближает его к равенству с животным или вещью, ибо отсутствие смерти отвергает возможность прилагать к своей конечности безусловность и бесконечность. Переосмысление феномена трагичности человеческого бытия вновь обращает внимание на отношении бытия вещи к существованию человека.

Так, философская парадигма Жан-Поля Сартра утверждает эквивалентность вещиизма чистой позитивности: предметы, выступающие атрибутами окружающего человека мира, не содержат какого-либо знания, обращенного к самим себе, или, иначе, сознания; они инертны, пассивны, неподвижны [5, с. 11]. Человек, в свою очередь, обладает знанием, направленным на самого себя: он представляет собой открытую активную